

ЭЛИНОР КЛЕГХОРН
историк культуры, исследователь

НЕЗДОРОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ

ПОЧЕМУ В ПРОШЛОМ ВРАЧИ НЕ ХОТЕЛИ
ИЗУЧАТЬ ЖЕНСКОЕ ТЕЛО
И ЧТО ЗАСТАВИЛО ИХ ПЕРЕДУМАТЬ

Темные архивы. Книги о жутких
экспериментах и практиках над людьми

Элино́р Кле́гхорн

**Нездоровые женщины. Почему
в прошлом врачи не хотели
изучать женское тело и что
заставило их передумать**

«ЭКСМО»

2021

УДК 618
ББК 57.1

Клегхорн Э.

Нездоровые женщины. Почему в прошлом врачи не хотели изучать женское тело и что заставило их передумать / Э. Клегхорн — «Эксмо», 2021 — (Темные архивы. Книги о жутких экспериментах и практиках над людьми)

ISBN 978-5-04-171419-2

Сейчас нам кажется странным, что раньше все женские заболевания долгое время связывались с «загадками» репродуктивной системы, а матка была виновата во всевозможных физических и психических недугах. Ничего удивительного, ведь даже сегодня врачам не всегда удается корректно поставить диагноз. «НЕЗДОРОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ» — это не просто и погружение в историю медицины, но и размышление о тех сложностях, с которыми сталкиваются уже современные женщины. Книга посвящена тому, как традиционная медицина прошлых лет объясняла и воспринимала женское тело, какие теории о женском организме сформировались в условиях патриархальных представлений о женственности и к каким последствиям это приводило. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 618

ББК 57.1

ISBN 978-5-04-171419-2

© Клегхорн Э., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Введение	6
Часть I	14
Глава 1	15
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Элино́р Клегхорн

Нездоровые женщины. Почему в прошлом врачи не хотели изучать женское тело и что заставило их передумать

Elinor Cleghorn

UNWELL WOMEN

Copyright © Elinor Cleghorn, 2021 This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

© О.А. Ляшенко, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается Дороти,
моей любимой нездоровой женщине*

История болезни – это история не медицины, а мира. История обладания телом могла бы быть историей того, что делается для большинства в интересах меньшинства».

Энн Бойер¹, «Неугасающие» (2019)

... Вам придется изучить историю замечательных функций, которые сексуальная природа женщины позволяет ей осуществлять, а также странное и тайное влияние, которое ее органы благодаря своему нервному строению и отношению к жизненной силе в болезни и здравии оказывают не только на ее тело, но и на сердце, разум и душу.

Доктор Чарльз Д. Мейгс²,

«Лекция об отличительных признаках женщины» (1847)

Он, видите ли, не верит, что я больна! Представляете? Если ваш собственный муж, врач с хорошей репутацией, уверяет друзей и родственников, будто у вас нет ничего серьезного, кроме легкой депрессии и склонности к истерии, то тут любые доводы бессмысленны.

Шарлотта Перкинс Гилман³,

«Желтые обои» (1892)

¹ Американская поэтесса, блогер и эссеист. В 2020 году была удостоена Пулитцеровской премии в области документальной литературы за книгу «Бессмертие: боль, уязвимость, смертность, медицина, искусство, время, мечты, данные, истощение, рак и уход».

² Американский акушер XIX века. Известен тем, что выступал против анестезии в акушерстве и за то, что врачи не могут передавать болезни пациентам из-за немых рук.

³ Американская феминистка и писательница. «Желтые обои» – ее самое известное произведение. Оно было написано после тяжелой борьбы Гилман с послеродовой депрессией.

Введение

Нас учат, что медицина – это искусство разгадывать загадки организма. Мы ожидаем, что она, будучи наукой, основывается на принципах доказательности и беспристрастности. Мы хотим, чтобы врачи заботились о нас, слушали. И не менее важно, чтобы они оценивали боль, лихорадку, ломоту или сильную усталость без каких-либо предубеждений. Мы, пациенты, ожидаем – и заслуживаем! – справедливого и этичного отношения независимо от пола или цвета кожи. Однако не все так просто. Медицина несет бремя собственного происхождения. История ухода за больными и изучения болезней неразрывно связана не только с наукой, но и с обществом и его культурой. Медицинский прогресс – это, помимо отражения результатов исследований, еще и зеркало реалий меняющегося мира и смысла человеческой жизни. Это история всех людей: их тел и жизней, а не только врачей и исследователей.

На развитие истории человечества всегда очень сильно влияли гендерные различия. И в процессе своего становления медицина, естественно, поглощала и укрепляла созданные обществом стереотипы.

Мужчины традиционно считались сильными и главными. А женщины почти всегда были на вторых ролях в политике, финансах и образовании. Современная медицина веками формировалась как профессиональная сфера, социальный институт и научная дисциплина именно в таких условиях. Главенствующее положение мужчин и, следовательно, превосходство мужского тела было заложено в ее основу еще в Древней Греции. В III веке до н. э. философ Аристотель охарактеризовал женский организм как противоположность мужскому. По его мнению, у женщин мужские гениталии, просто *завернутые внутрь*. Из-за этих и других физиологических отличий их пол считался дефективным и неполноценным. Однако у женщин был орган, обладающий наивысшей биологической и социальной ценностью: матка. Ее наличие и определяло функцию женщин: рождение и воспитание детей. И все знания о женской физиологии были сосредоточены вокруг этой функции. Биологическая принадлежность к женскому полу определяла и ограничивала сущность женщины – женственность сводилась к наличию репродуктивной системы. Медицина подкрепляла эти убеждения мифом о том, что женщину определяет ее организм: считалось, что физиология буквально управляет ею. Женские болезни постоянно связывали с тайнами и странностями репродуктивной системы. Например, загадочная матка была виновна во всевозможных физических и психических заболеваниях. Ее наличие, по сути, определяло низшее положение женщин в мире, созданном мужчинами. И медицинские представления о нашем организме искажались из-за этих предубеждений.

Разумеется, не у всех женщин есть матка, и не все люди, имеющие матку или менструации, – женщины. Однако медицина всегда настаивала на совпадении биологического пола с гендерной идентичностью, и представления о женских или мужских органах и системах были пропитаны патриархальными стереотипами о женственности или маскулинности. Хотя медицинское понимание женской физиологии расширялось и менялось, оно все равно неизменно зависело от доминирующих культурных и социальных ожиданий от женщины: что они должны собой представлять, что должны думать, чувствовать и хотеть, а также что им позволено делать с собственным телом. Сегодня мы понимаем, что биологический пол не определяет гендерную идентичность. Феминистки веками боролись за право всех людей не ограничивать свою жизнь физиологией. Однако медицина унаследовала проблему гендера, и ее мифы о гендерных ролях и поведении, появившиеся до эпохи доказательности, имели пагубное влияние. Они глубоко проникли в культуру и превратились в предубеждения, которые отрицательно сказываются на лечении и диагностике болезней людей, считающих себя женщинами, до сих пор.

Врачи и система здравоохранения подводят женщин. Гендерные предубеждения напрямую влияют на отношение врачей и системы здравоохранения к реальной, серьезной и требующей лечения боли у женщин. Им гораздо чаще назначают слабые успокоительные и антидепрессанты вместо подходящих обезболивающих препаратов. Женщин реже, чем мужчин, направляют на дополнительное обследование. Принято считать, что боль, которую они испытывают, обусловлена эмоциональными или психическими причинами, а не физическими или биологическими. Именно женщины чаще всего страдают хроническими заболеваниями, которые начинаются с боли: ведь чтобы она была рассмотрена как возможный симптом заболевания, нужно убедить врача в ее реальности. Эта аура недоверия к женским жалобам на боль укоренялась в медицине на протяжении веков. Историческая – и истерическая – идея о том, что чрезмерная эмоциональность женщин оказывает большое влияние на их тела и наоборот, повлияла на формирование стереотипного образа ищущей внимания и страдающей ипохондрией пациентки. Актуальные стереотипы о том, как женщины чувствуют, выражают и переносят боль: они внедрялись в медицину веками. Поэтому сегодняшние биомедицинские знания запятнаны старыми историями, заблуждениями, домыслами и мифами.

В последние годы гендерные предубеждения в медицине и научных исследованиях стали активно обсуждаться СМИ. В британской и американской прессе регулярно появляются такие заголовки: «Почему врачи не верят женщинам?», «Врачи подводят женщин с хроническими заболеваниями» и «Женщинам чаще ставят неверные диагнозы, чем мужчинам». Осведомленность людей о некорректных диагнозах и игнорировании жалоб одного из полов постепенно растет. Все начинают понимать, что медицинский сексизм распространенный и системный, и женщинам из-за него становится хуже. Однако и среди одного пола степень предвзятого отношения отличается и зависит от того, кем является каждая конкретная пациентка. Я белая цисгендерная женщина с неплохим здоровьем и доступом к бесплатной медицинской помощи, которую оказывает британская Национальная служба здравоохранения. Темнокожие, женщины азиатского происхождения, коренные американки и латиноамериканки подвергаются гораздо большей дискриминации в сфере здравоохранения, если их доступ к медицинской помощи ограничен или они не вписываются в гендерные нормы, установленные медициной для биологических женщин.

На самом деле дискриминация нездоровых женщин, актуальная и сегодня, тянется корнями в далекое прошлое, поэтому несправедливое отношение выходит за рамки подсознания конкретных людей и индивидуальных предрассудков. Женские болезни, особенно те, которые чаще встречаются среди небелого населения, исторически не были приоритетными, поэтому в медицинских и клинических знаниях образовались огромные пробелы, связанные с гендером и расой.

Женщин исключали из клинических и наблюдательных исследований вплоть до конца 1990-х годов, и врачам было мало известно об их специфических симптомах сердечно-сосудистых заболеваний, некоторых видов рака, а также ВИЧ/СПИД.

Поскольку распространенность сложных для диагностики и неизлечимых заболеваний растет среди женщин всего мира, нужно как можно скорее избавиться от культуры пренебрежения.

Иногда женские тела действительно ставят врачей в тупик. Боль и повышенная утомляемость – наиболее распространенные «необъяснимые» симптомы. Их ежедневно испытывают женщины с загадочными хроническими заболеваниями, существование которых часто подвергается сомнению в медицинском сообществе. Известно, что синдром хронической усталости и фибромиалгия чаще встречаются среди женщин, чем среди мужчин, однако причина этого остается неизвестной из-за недостатка исследований. На современное восприятие этих слож-

ных для диагностики заболеваний во многом повлияли медицинские заблуждения и отношение общества к выражению женщинами своих физических ощущений. Столкнувшись с непонятным заболеванием у пациентки, врачи нередко заявляют, что его причина психологическая. Действительно, начиная с 1950-х наука начала понимать, каким образом психическая составляющая может влиять на физическое состояние. Однако классификации таких заболеваний оказались опутаны заблуждениями о том, что женщины склонны преувеличивать и имитировать симптомы. Пренебрежение особенно заметно, когда речь заходит о «женских жалобах», например симптомах гинекологических заболеваний, которые всегда были окутаны стыдом, таинственностью и мифами.

Эндометриоз, хроническое неизлечимое заболевание, при котором ткани эндометрия разрастаются и распространяются по другим местам организма, служит наглядным примером исторических неудач медицины, в которой доминируют мужчины. Сейчас это признанное заболевание, которое было определено и классифицировано в 1920-х⁴. Однако ранее симптомы эндометриоза, в том числе мучительная боль в области таза, спины и живота, дискомфорт во время секса и сильные кровотечения, на протяжении столетий ошибочно считались физическими проявлениями эмоционального дистресса.

В XIX веке боль в области таза и живота, а также нарушения менструального цикла «лечили» жестокими хирургическими вмешательствами.

Женщин с такими жалобами обвиняли в истерии и помещали в психиатрические лечебницы.

Даже сегодня пациенток, сообщающих о ранних симптомах эндометриоза, нередко считают невротичными, тревожными, депрессивными и истеричными. Слишком долго менструальная и гинекологическая боль считалась естественным и неизбежным следствием жизни в женском теле.

Обычно требуется шесть-десять лет, чтобы поставить правильный диагноз, при том что сегодня известно: эндометриоз развивается у одной из десяти женщин в мире. Из-за недостатка исследований точная причина этого неизвестна, что приводит к ужасающему недостатку сочувствия и уважения к пациенткам. Наиболее популярная с конца 1940-х годов теория даже демонизирует их самих. Считается, что заболевание развивается у молодых белых женщин среднего класса с высоким уровнем образования и дохода, которые пренебрегают биологическим императивом деторождения. До 1970-х годов врачи не признавали, что эндометриоз может быть и у темнокожих женщин. Таким пациенткам ставили диагноз «воспалительное заболевание органов малого таза» (бактериальная инфекция, способная передаваться половым путем). Расистские взгляды на сексуальность темнокожих женщин и их восприимчивость к боли мешали пониманию и других гинекологических заболеваний, которые поражают их чаще и по-иному: миома матки, рак шейки матки и синдром поликистозных яичников. Только в 2012 году команда гинекологов из Детройта, исследовавшая эндометриоз, выяснила, что у темнокожих женщин ткани эндометрия разрастаются сильнее, чем у белых женщин, и в других частях тела [4].

Развитие медицины и здравоохранения – ядро социального прогресса, но оно всегда было глубоко политизированным. Систематическое пренебрежение гинекологической болью темнокожих женщин уходит корнями во времена эксплуатации рабынь в медицинских и хирургических исследованиях. С XIX века они использовались как подопытные кролики, экспериментальный материал. Их боль и человеческая природа постоянно отрицались. Заставлять женщин

⁴ Первый случай описан в 1860 году. Термин «эндометриоз» впервые употребили в 1892 году. Однако до 1920 года описано менее 20 случаев, поэтому заболевание считалось крайне редким.

молчать или говорить тихо – это условие мужского мира. Медицина, будучи конструктом мира, созданного мужчинами, андроцентрична.

Считается, что мужское тело – это стандарт, а данные, полученные мужчинами, – самые надежные. Кроме того, маскулинность считается привилегированной профессиональной чертой. Поэтому на протяжении почти всей истории медицина заявляла: якобы дефективная, неполноценная, избыточная и неуправляемая женская физиология определяет то, что женщины могут занимать лишь подчиненное положение.

Невероятно, но когда-то врачи считали, будто женские нервы слишком туго натянуты для получения образования, а яичники могут воспалиться из-за активного чтения книг.

К сожалению, эти ужасные мифы все еще процветают в мире, где менструация и менопауза считаются убедительными причинами, по которым люди не могут занимать руководящие должности. Исключая женщин из исследований на основании того, что их гормональные колебания портят результаты, медицинская культура укрепляет старый миф о нестабильности женской биологии, которая мешает проводить точные наблюдения.

Андроцентризм – это не только средоточие силы и влияния в руках мужчин, но и оценка всех людей по «мужским критериям и стандартам» [5]. Этот термин был введен американским социологом и борцом за права женщин Лестером Фрэнком Уордом в 1903 году. А через восемь лет американская писательница-феминистка, преподаватель и активистка Шарлотта Перкинс Гилман опубликовала книгу *The Man-Made World*, в которой осуждается «андроцентрическая культура» [6]. Перкинс Гилман стала ярким критиком медицинского притеснения женских тел и противницей гендерной дискриминации в здравоохранении. Она писала свои работы во время борьбы за право женщин голосовать, развернувшейся по обеим сторонам Атлантики. Однако кампания суфражисток⁵ представляла собой гораздо большее, чем движение за предоставление конкретного избирательного права. Как сказала Перкинс Гилман, они боролись за «экономическое и политическое равенство», «свободу и справедливость» и, что самое важное, «гуманизацию женщин». Андроцентрический взгляд на женственность сводит человека к биологически детерминированному мифу о гендере. Когда андроцентрическая медицина демонизирует, игнорирует и унижает нездоровых женщин, она осознанно или неосознанно воскрешает древние стереотипы о том, что женское тело и разум предназначены для поддержания патриархального статуса-кво. Перкинс Гилман писала в то время, когда многие врачи и ученые считали, что «женщины – это их пол», что они – «подвид человека, необходимый исключительно для размножения» [7]. Однако ее аргумент, что акцент на женственности и феминности отрицает человеческую природу женщин, до сих пор остается поразительно актуальным.

представляла собой гораздо большее, чем движение за предоставление конкретного избирательного права. Как сказала Перкинс Гилман, они боролись за «экономическое и политическое равенство», «свободу и справедливость» и, что самое важное, «гуманизацию женщин». Андроцентрический взгляд на женственность сводит человека к биологически детерминированному мифу о гендере. Когда андроцентрическая медицина демонизирует, игнорирует и унижает нездоровых женщин, она осознанно или неосознанно воскрешает древние стереотипы о том, что женское тело и разум предназначены для поддержания патриархального статуса-кво. Перкинс Гилман писала в то время, когда многие врачи и ученые считали, что «женщины – это их пол», что они – «подвид человека, необходимый исключительно для размножения» [7]. Однако ее аргумент, что акцент на женственности и феминности отрицает человеческую природу женщин, до сих пор остается поразительно актуальным.

⁵ Суфражизм – женское движение за предоставление женщинам избирательного права, зародившееся в Англии в конце XIX – начале XX века.

Перкинс Гилман была одной из многих женщин, которые смело вели кампанию против доминирования андроцентрической медицины над женским телом, разумом и жизнью. Реальные же перемены произошли, когда женщины заговорили от имени своего тела, создали базу знаний на основе рассказов других женщин, а также стали противодействовать репрессивным идеям. Когда женщины отказываются молчать, андроцентрическая культура теряет часть своей мощи.

С 1960-х годов борцы за здоровье женщин неустанно сопротивлялись игнорированию побочных эффектов препаратов, а также гендерной и расовой предвзятости в клинических исследованиях и в итоге добились изменений в законах и медицинской практике. Их усилия привели к тому, что препараты, включая оральные контрацептивы и заместительную гормональную терапию, стали безопаснее. Медицинский феминизм имеет долгую, увлекательную и вдохновляющую историю. В конце концов женщины расправили плечи и добились того, чтобы их замечали, оберегали и слушали. Феминистские общественные реформаторы осуждали утверждение о естественной женской неполноценности начиная с XVIII века.

В 1970-х годах с помощью активистской деятельности женщины обрели контроль над своим телом и начали наслаждаться им, несмотря на пренебрежение со стороны врачей-мужчин. Они сами создали базу знаний для себя. Врачи-феминисты, общественные деятели, исследователи и реформаторы долго и упорно отстаивали права и свободы женских тел – от нормализации менструации и получения сексуального удовольствия до легализации контрацепции и репродуктивной автономии. А с появлением движения #MeToo женщины стали рассказывать о сексизме и мизогинии, с которыми сталкивались во всех сферах жизни общества.

В итоге в связи с господством авторитарных политических идеологий во всем мире, а также сопровождающим их обесцениванием женских прав медицина лишь недавно стала оплотом для женщин, сражающихся за то, чтобы их голоса слышали и принимали всерьез. Хронические, неизлечимые и загадочные заболевания стали важнейшими темами для растущего сообщества нездоровых женщин, храбро заявляющих о гендерной и расовой дискриминации, с которой столкнулись. В эссе, статьях, мемуарах, романах, рассказах, художественных и документальных фильмах, блогах и чатах женщины делятся историями о том, как медицина пренебрегла их «надуманными» заболеваниями. Открыто говорить о своем теле – это акт феминизма. Разговоры о боли и травмах – это смелый и радикальный шаг в культуре, склонной не верить женщинам. Да, это связано с риском, но они также – акт неповиновения тем структурам власти в мужском мире, которые хотели бы заткнуть нам рты.

Когда женщины делятся подробностями о своем нездоровье, они создают ценную базу знаний, которую здравоохранение не может или не хочет признавать.

На протяжении веков медицина утверждала, что женщины и их жизнь всецело зависят от тела и физиологии. С их мнением о собственном организме и самочувствии никогда не считались, потому что в мужском мире специализированные и официальные знания важнее наших мыслей и чувств. В профессиональной медицине нет места личному опыту женщин.

Я стала нездоровой женщиной десять лет назад. В октябре 2010 года причина странных болей, мучивших меня годами, наконец выяснилась. Мне пришлось провести в больнице десять дней, прежде чем ревматолог смог диагностировать системную красную волчанку, хроническое аутоиммунное заболевание. Этому предшествовали семь лет неверных диагнозов и пренебрежения моими симптомами. Как и большинство аутоиммунных заболеваний, волчанка неизлечима, и ее причина остается загадкой. Через несколько недель, прижимая к груди своего трехмесячного ребенка в слинге, я приехала в лондонскую больницу Сент-Томас, где располагался крупнейший в Европе Центр лечения волчанки и сопутствующих заболеваний, и назвалась администратору. Мое дыхание было неровным из-за воспаления, чуть не уничтожившего

сердце. Пульс зашкаливал, нервы держали в тонусе буквально каждую мышцу. Администратор проводил меня в длинный коридор с тремя закрытыми дверьми напротив ряда сидений. Сбоку от каждого входа в кабинет стояла тележка с медицинскими картами пациентов. Периодически врачи выходили, брали карту, просматривали ее и приглашали пациента по имени. Коридор был заполнен людьми, и практически все присутствующие оказались женщинами.

Все мы находились в той больнице по направлению от терапевта или узкого специалиста. У всех были похожие симптомы, такие как боль, повышенная утомляемость, лихорадка, сыпь, тромбы, осложнения беременности и многие другие. Казалось, у них нет очевидной причины. В каждой медицинской карте описывались похожие клинические истории. Моя началась менее двух месяцев назад, когда я с трудом добралась до кабинета терапевта и сказала ему, что не могу дышать.

С годами я научилась жить со своей непредсказуемой и непонятной болезнью. А чтобы найти ответы на свои вопросы о том, почему же такое происходит, я начала изучать историю медицины. Нездоровые женщины появлялись из ее анналов медицины как по волшебству. Истории болезни походили друг на друга: детские заболевания, долгие годы боли и таинственных симптомов, неверные диагнозы. Все эти женщины были частью моей истории. Благодаря их телам стали возможны медицинские открытия, дающие шанс взять мою болезнь под контроль. Однако наблюдение за их историями и описаниями симптомов в рамках клинических исследований позволяло узнать лишь обрывки целых жизней. Я находила информацию об их телах, но не о том, как женщинам жилось внутри них. Я пыталась представить, каково это – быть пациенткой, которая борется с болезнью, не признаваемой медициной, и чувствовала тесную связь с ними. У нас была одна физиология. С течением времени женское тело не менялось – лишь его понимание медициной.

Живя с волчанкой, я часто задаюсь вопросом: считались бы женские хронические заболевания столь мифическими, если бы медицина признала, что их нельзя понять только с помощью биологических данных?

Они вовсе не непонятны для нас самих, но что-то в них на каждом шагу ставит врачей в тупик. Возможно, вся эта клиническая и биомедицинская неопределенность – результат того, что у медицины как науки не получается искать ответы в нужных местах. Быть может, наши болезни – это пример того, как женские тела коммуницируют, и воспринимать их нужно по-другому.

Значительная часть этой книги была написана весной и ранним летом 2020 года, в начале пандемии COVID-19. Приблизительно через неделю после начала локдауна в марте 2020 года я переписывалась с близкой подругой, которая спросила: «Что ты чувствуешь теперь, когда твоя книга ожила?» Я задумалась о том, что она на самом деле хотела сказать: социальные и культурные проблемы болезни и гендера в последнее время стали не только женскими, но и общими.

Теперь мы все каждый день жили с болезнью, окутанной неопределенностью и спекуляциями, которая влияла на нашу способность работать, думать, свободно передвигаться и беспрепятственно общаться с другими людьми. Всем вдруг пришлось балансировать между работой и заботой о близких, находясь под зловещей угрозой болезни. В то время еще одна моя близкая подруга сказала: «Я неоднократно слышала, что сегодняшняя ситуация беспрецедентна, однако это не так: мы не впервые задаемся вопросом о том, кто заслуживает здоровья». Она была права. COVID-19 обнажил давно существующее системное и структурное неравенство в системе здравоохранения. Сообщества людей, отстающие в социальной, экономической и медицинской сферах, подвергаются наибольшему риску заражения и смерти. Для людей с недиагностированными или запущенными заболеваниями вирус представляет огромную опас-

ность [8]. Некоторые медицинские специалисты сегодня активно продолжают приуменьшать симптомы, которые испытывают женщины, и пренебрегать ими.

Во всем мире от COVID-19 умирает вдвое больше мужчин, чем женщин.

Хотя причины этого пока не установлены, некоторые исследователи полагают, что «коронавирусная гендерная пропасть» связана с биологическими различиями между мужским и женским иммунитетом. «Что-то в женском теле, в репродуктивной системе обладает защитными свойствами, – заявила реаниматолог Сара Гандехари из больницы Седарс-Синай в Лос-Анджелесе. – Это наталкивает нас на мысль о гормонах» [9]. В статье для «Нью-Йорк таймс» Рони Кэрин Рабин рассказала о том, как врачи из Седарс-Синай и Ренессансной медицинской школы на Лонг-Айленде изучали влияние эстрогена и прогестерона на мужчин и женщин, больных COVID-19. Считается, что оба гормона обладают противовоспалительными и защитными иммунологическими свойствами. У женщин иммунитет крепче, чем у мужчин, и при этом упомянутых гормонов у них больше. Способность организма женщин к более мощному иммунному ответу может объяснять, почему они чаще страдают аутоиммунными заболеваниями. Забавно, как нестабильный гормональный фон, та самая причина исключения женщин из многих клинических исследований, вдруг стал цениться в качестве защиты от вируса. Вопрос о коронавирусе и биологическом поле разжег споры. Многие люди не могут поверить, что принадлежность к мужскому полу может быть фактором риска. Кто-то предполагает, что мужчины умирают от COVID-19 чаще из-за социальных факторов и образа жизни, например курения, а не из-за особенностей организма. Создается впечатление, что сосредоточенность на биологическом поле только мешает, а не способствует пониманию коронавируса и гендера. «Если вы сомневаетесь, изучайте сначала социальные факторы, а не биологию», – заявили три директрисы лаборатории Гарвардского университета в эссе для *New York Times* [10].

Сосредоточенность медицины на женской физиологии как определяющем факторе женственности мешало пониманию многих заболеваний.

В этой книге говорится о ситуации в США и Великобритании с преобладанием традиционной западной культуры. История здравоохранения этих стран определяет материал, преподаваемый в медицинских школах, а открытия – формирование мнения о нашем теле и разуме в больницах, лабораториях и операционных. Западная медицина может лечить людей, возвращать здоровье и спасать жизни. Однако это очень деспотичная система, которая на протяжении своей долгой истории отдавала предпочтение знаниям и профессиональной экспертизе мужчин, а также способствовала укоренению полового и гендерного неравенства.

В этой книге, охватывающей увлекательную, но возмутительную историю андропоцентрической медицины, описаны способы, которыми она изучала, оценивала и определяла женские физиологические и анатомические особенности. Я уделила основное внимание тому, как она патологизировала принадлежность к женскому полу, поэтому не говорю об опыте транссексуалов, небинарных людей, а также гендерных нонконформистов. Я ни в коем случае не думаю, что гендерная идентичность определяется биологическим полом человека, но хочу показать, как медицина с самого начала способствовала укоренению дискриминационных мифов о различиях между полами.

Патриархальные идеологии коварно проникали в медицинскую культуру, практику и знания, начиная с развития классических теорий о женских болезнях и первых упоминаний об истерии и заканчивая эпохой профессионализации гинекологии, зарождения общественного здравоохранения и развития биомедицины. Сегодня благополучие и качество жизни *всех* нездоровых женщин сильно страдает из-за этих старых мифов. Их существование объясняет

приуменьшение нашей боли, игнорирование симптомов, постановку неверных диагнозов и недоверие.

Эта книга представляет собой путешествие по истории пациенток и рассказывает о том, что значит быть женщиной в мужском мире.

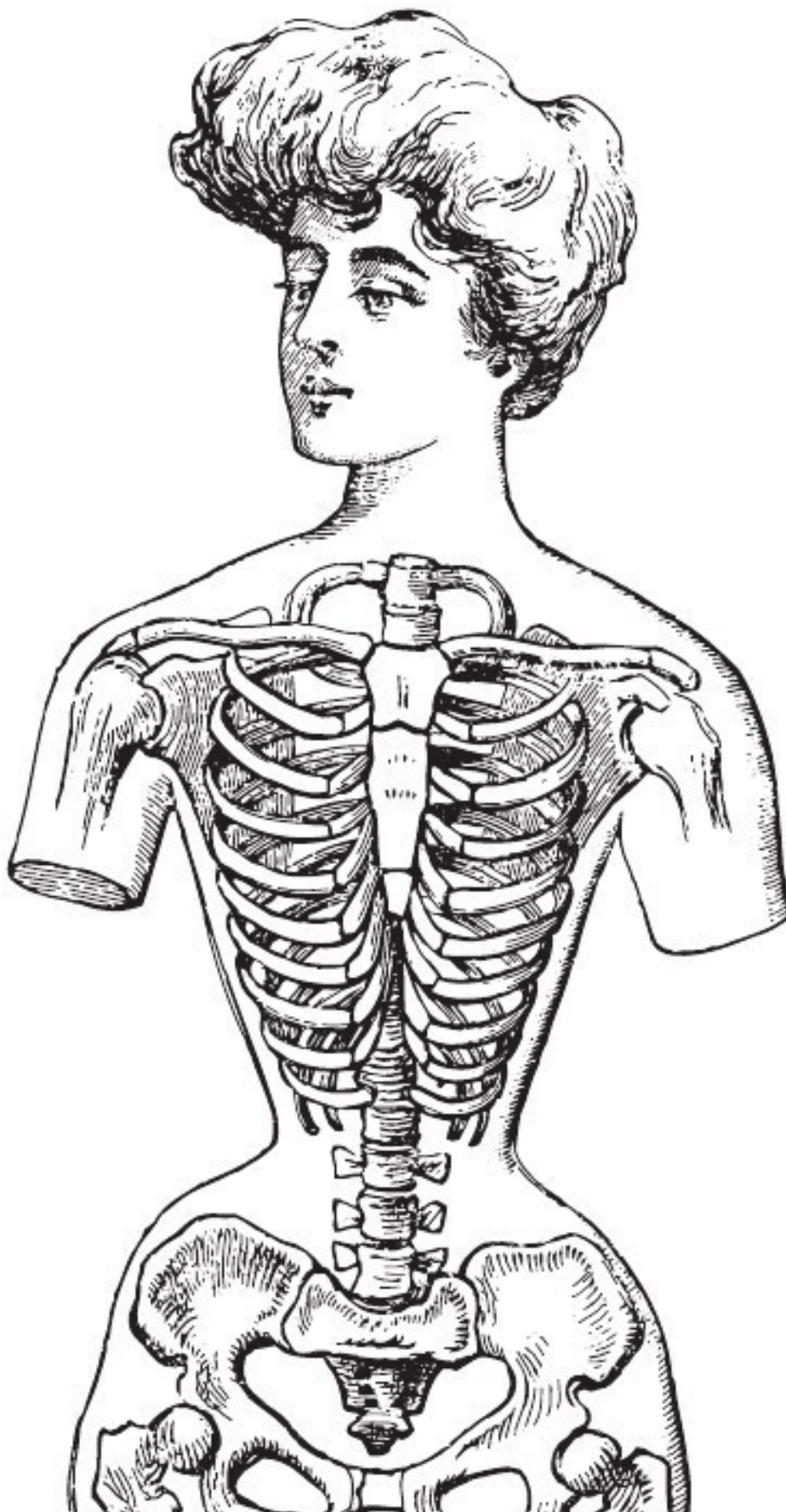
Медицина веками поддерживала наказания и притеснения женского пола, однако мы создали собственную базу знаний, изменили статус-кво, дали отпор и потребовали пересмотра законов и признания своих прав.

В этой книге женщины представлены не только как жертвы патриархальной медицины, но и как сильные, храбрые и иногда даже придиричивые адепты надежды и перемен.

Медицина стремится к изменению практики и протоколов, однако ей нужно избавиться от большого исторического наследия, связанного с восприятием женского тела и разума. Я по собственному опыту знаю, что это наследие продолжает препятствовать оказанию эффективной и своевременной медицинской помощи. В 1970 году активисты, политики и исследователи стали привлекать внимание общественности к тому, что здравоохранение игнорирует и патологизирует нездоровых женщин. Сегодня их призывы не менее актуальны, чем тогда. Темному прошлому медицины давно пора уступить место будущему, где женский опыт будут признавать и уважать.

Я с большой гордостью рассказываю истории о страданиях, сопротивлении, силе и активности женщин, взятые из анналов богатой медицинской истории. Я считаю, что нужно двигаться вперед, менять культуру мифов и неверных диагнозов, мешающую научному пониманию болезней женщин, а также учиться на ошибках прошлого. В этом мужском мире женские тела стали основным полем боя в войне с гендерным неравенством. Чтобы избавиться от пагубного наследия в медицинских знаниях и практике, сначала нужно понять, где мы и как здесь оказались. Ни одна нездоровая женщина не должна быть приравнена к медицинской карте, ряду медицинских наблюдений или записям в архиве. Медицина должна слышать ее, когда она говорит, причем воспринимать в первую очередь как людей. Медицина обязана верить нашим словам о своем теле и направлять энергию, время и деньги на решение наших «загадочных» проблем со здоровьем. Ответы на все вопросы кроются в наших телах и созданной ими истории.

Часть I Древняя Греция – XIX век

Глава 1

Блуждающие матки

Много веков назад на греческом острове Кос заболела девушка. Сначала она ощутила странную слабость в теле и тяжесть в груди. Вскоре у нее началась лихорадка. Сердце заболело, а в разум вторглись жуткие галлюцинации. Она бродила по улицам и, мучась от невыносимых боли и жара, захотела в итоге покончить с жизнью. Падение в колодезь или повешение на дереве были бы удовольствием по сравнению с пыткой, которую испытывали ее тело и разум. Отец девушки пригласил человека, знакомого с искусством исцеления. Врач понял, что видел похожую болезнь у девушек, которые уже начали менструировать, но еще не вышли замуж. В подростковом возрасте избыточная женская кровь тратится на рост организма, а во взрослой жизни скапливается в матке и выплескивается каждый месяц. Все врачи знали, что только так женское тело может оставаться здоровым. Так что та девушка просто тонула в собственной крови. Без возможности покинуть организм красная жидкость возвращалась в вены, воспаляла сердце и отравляла чувства. Врач посоветовал отцу девушки незамедлительно выдать ее замуж. Он был уверен, что интимная близость «откупорит» ее тело, и кровь выйдет. Беременность должна была исцелить страдальицу [1].

В другом доме на том острове у пожилой замужней женщины начался сильнейший припадок. У нее закатились глаза, зубы сжались, а во рту вспенилась слюна. Кожа стала мертвенно холодной, а живот сводило от боли. Ее муж позвал врача. Тот знал: такая болезнь распространена среди женщин этого возраста, которые перестали заниматься сексом и вынашивать детей. Врач наблюдал, как пациентка извивается и всхлипывает, и заметил, что ее кожа стала влажной. Очевидно: матка женщины, пустая и сухая, поднялась к печени в поисках влаги. Там она встала на пути диафрагмы, из-за чего пациентка начала задыхаться из-за собственной матки. Врач надеялся, что флегма⁶ из головы скоро наполнит ее и опустит обратно. Он прислушивался к животу женщины: бурление внутри него значило бы, что матка возвращается на свое место. Врач знал, что если она задержится у печени слишком надолго, женщина задохнется. Если бы она продолжала регулярно заниматься сексом, вероятно, избежала бы этих страданий [2].

Подобных описаний женщин полно в «Корпусе Гиппократата» – собрании медицинских трактатов, приписываемых Гиппократу, древнегреческому врачу, которого называют отцом медицины. Он жил в IV–V веках до н. э. Как учитель и врач этот человек совершил революцию в медицине. Он разрушил многовековые убеждения о том, что болезни – это наказания, посланные людям мстительными богами, и объяснял, что они – результат дисбаланса в организме. Гиппократ вел подробные записи о симптомах и протекании заболеваний пациентов, а также прописывал лекарства на основе трав. Он клялся лечить все болезни у всех людей, насколько это было в его силах, и никогда не причинять вреда. Причем обещал не вредить своим пациентам, кем бы они ни были: свободными или рабами, мужчинами или женщинами. Клятва Гиппократата стала краеугольным камнем медицинской этики, и выпускники медицинских школ продолжают ее приносить⁷.

Гиппократ подчеркивал, что женщин нужно лечить совсем не так, как мужчин. Он писал, как важно врачу «правильно понять происхождение болезни» пациентки, «незамедлительно и подробно расспросив ее о причине недуга». По его мнению, многие из них страдали и умирали, потому что врачи лечили их так же, как мужчин [3]. Но несмотря на мнение, что «женские болезни» требуют особого подхода в лечении, медик-реформатор не отстаивал право пациентки на автономию и информированное согласие. «Корпус Гиппократата» был написан в то

⁶ По Гиппократу, флегма – специальное медицинское обозначение «холодной жидкости в теле» – слизи, мокроты.

⁷ В настоящее время клятву Гиппократата не приносят ни в каких странах, однако она взята за основу клятвы врача.

время, когда у большинства женщин практически не было гражданских и вообще человеческих прав.

В патриархальном общественном строе Древней Греции девочки считались собственностью отцов, а женщины – мужей.

Они не владели землей, имуществом, деньгами и даже своими телами и воспринимались как слабые, медлительные и маленькие версии мужчины – то есть идеала человека. Женщины считались неполноценными и дефективными только из-за своих *отличий* от мужчин. Однако у них был самый полезный и таинственный орган из всех – матка. И поэтому их здоровье определялось исключительно состоянием этого органа. Медицинские идеи отражали и легитимизировали контроль общества над женским телом и его бесценной способностью к деторождению.

В трактатах, написанных на заре западной медицины и легших в основу научного медицинского дискурса, больные женщины изображались как масса патологических маток.

«Корпус Гиппократов» был основан на учениях Гиппократов, но написан был его многочисленными последователями. В таких составляющих его трактатах, как «Женские болезни», «Женская природа» и «Болезни девушек», врачи описывали разнообразные симптомы, которые касались полового созревания, начала менструаций, зачатия ребенка, беременности и менопаузы.

Идея о том, что все женские болезни связаны исключительно с репродуктивной системой, сегодня кажется чем-то вроде женоненавистнической теории заговора. Однако вполне логично, что в Древней Греции, где социальная значимость женщины целиком сводилась к работе ее матки, все физические и психические женские заболевания объяснялись проблемами с этим органом.

Последователям Гиппократов просто не на что было опереться. Вскрытия были запрещены, поэтому врачи не имели полного представления о расположении органов, циркуляции крови или процессе дыхания. Они ничего не знали о клетках, гормонах или нейронах. Поэтому медики полагали, что женское тело чересчур влажное, потому что в нем слишком много крови. Они сделали такой вывод из-за того, что женщины менструируют.

Врачи предполагали причины женских болезней на основании того, что видели и чувствовали. Ограниченные знания и преобладающие в обществе взгляды привели к смешению разных теорий о влиянии матки на все аспекты женского здоровья. Иногда болел сам этот орган, а иногда он вызывал болезни в других частях тела, в том числе голове.

Матка воспринималась одновременно как канал и сосуд, и женщина считалась здоровой в зависимости от наполнения матки жидкостью. Способ лечения «маточных патологий» – от «сумасшествия» бездействующей матки до ужасов «удушения матки» – был в равной степени социальным и медицинским: замужество к 14 годам, регулярный секс с мужем, которому на момент женитьбы было около 30 лет, и постоянные беременности. «Я считаю, что женщины, не родившие детей, заболевают от менструаций гораздо раньше и серьезнее, чем рожавшие», – писал автор трактата «Женские болезни» [4].

Матка всегда начинала доставлять неприятности, если она была «удушена» девственностью, «пересушена» из-за недостатка мужского семени или не опускалась под весом ребенка.

Женщины в Древней Греции контролировали свои матки не больше, чем остальные аспекты жизни. Органы жаждали секса и беременности, независимо от желаний тех, кому принадлежали. Чтобы контролировать их состояние, врачи продвигали идею о том, что *матке нужно давать то, что она хочет*. После гиппократовских диагнозов вроде «удушения матки» среди врачей распространилась гипотеза о том, что ненаполненная и бездействующая матка

перемещается по всему телу и мешает другим органам, включая сердце и печень, а также вызывает множество страшных симптомов, таких как конвульсии, эпилептические припадки, галлюцинации, одышка, боль и паралич.

Сразу после создания «Корпуса Гиппократата» Платон, великий афинский философ, описал матку как живое существо, которое становится «раздраженным и обиженным», если его потребность в вынашивании детей не удовлетворяют. В известном диалоге «Тимей» о мире, Вселенной и всем, что в них есть, Платон связывает биологическую цель женщин с их неукротимыми сексуальными импульсами и создает мифы о матке, которая «блуждает по телу», блокируя «каналы дыхания» и приводя к «сильнейшему напряжению» и всевозможным болезням [5].

Приблизительно во II веке Аретей из Каппадокии, на тот момент римской провинции, развил гиппократовские идеи о матке и заявил, что это «животное внутри животного». Из-за уверенности в ее способности двигаться «из стороны в сторону» и реагировать на сладкие и зловонные запахи Аретей считал, что у матки есть собственные аппетиты и намерения. Чтобы вернуть блуждающую матку на свое законное место, часто использовались пропаривания растительными отварами. Одушевленная матка предполагалась нестабильной, а ее движения – резкими и мощными. Она могла плавать вверх-вниз и «наклоняться то в одну, то в другую сторону», будто бревно. Если блуждающая матка сдавливала кишечник или горло, женщина теряла силы. У нее подгибались колени, болела и кружилась голова, а нос пульсировал от боли. Если матка душила женщину, сердцебиение замедлялось, и пациентка могла перестать говорить и дышать. В экстремальных случаях у страдалицы наступала «внезапная и неправдоподобная смерть», после которой она выглядела не мертвой, а еще более румяной, чем при жизни [6].

Древнегреческие и древнеримские писатели воспринимали блуждающую матку по-разному, однако этот орган в их сознании оставался основным источником болезней. Женщины находились в подчинении у мужчин, и медицинский дискурс это поддерживал и делал легитимным. По мнению врачей, женское тело подчинялось прихотям органа, определяющего социальную значимость женщины. В итоге идея о том, что все женщины подвержены болезням, связанным с нереализованным желанием их тел вынашивать детей, существовала много веков.

Когда человеческая цивилизация вошла в Средневековье, понимание матки сделало это вместе с ней. Падение Римской империи погрузило Европу в Темные века, когда на Западе началось распространение христианской теологии и мифологии, повлекших за собой появление новых негативных представлений о женщинах и их телах.

Древние греки винили во всех болезнях Пандору – мифологическую первую женщину, не сумевшую устоять перед соблазном открыть ящик, наполненный бедами, который охранял ее муж Эпиметей [7]. Христианство породило другие мифы о женщинах и их телах, виновных во всех грехах. В Бытии, например, говорится, что Ева, первая женщина, созданная из ребра Адама и неполноценная с самого начала, испортила жизнь многим поколениям вперед из-за своих желаний и непослушания. Медицинские тексты, пережившие падение Рима, строго санкционировались церковью, поэтому за тексты, в которых говорилось, что женщины – второсортные, дефективные и управляемые прихотями своих маток, отвечали те самые мужчины, что продвигали идею об их неполноценности. Латинские переводы древних книг, хранившиеся в монастырских библиотеках, учили врачей-мужчин – *medici*⁸ – тому, как матка влияет на развитие женских болезней.

⁸ Родительный падеж латинского слова *medicus* – «врач, лекарь».

В Средние века большинство женщин из низших сословий обращались за медицинской помощью к целительницам или повитухам, которые лечили недуги и помогали во время родов.

Когда женщина попадала на прием к врачу-мужчине, тот обычно списывал ее симптомы на «многочисленные и разнообразные» [8] силы матки.

К счастью, в некоторых работах о женских болезнях все было не столь драматично. Один из самых популярных текстов того времени – «О женских болезнях», приписываемый Сорану Эфесскому, греческому врачу, практиковавшему в Риме в I–II веках. Его впервые перевели на латынь в VI веке. Отчасти практическое руководство для акушерок и отчасти трактат о многочисленных и разнообразных болезнях матки, «О женских болезнях» отражает более сбалансированный, холистический взгляд Сорана на женское здоровье [9]. Этот врач не был согласен с тем, что из-за биологических отличий от мужчин женщины второсортны и неполноценны, и не разделял гиппократовскую идею о том, что здоровьем женщин в целом должна заниматься отдельная ветвь медицины. То есть он не считал менструацию, секс и беременность чудодейственными средствами от всех женских болезней, но при этом был убежден в необходимости полного представления о гинекологических заболеваниях для эффективного лечения женщин.

Соран понимал болезнь как особое состояние, вызванное расслаблением и напряжением органов и систем человеческого тела. Он не верил, что одна из его частей может перемещаться по организму: «Матка неспособна двигаться вперед, как зверь, вылезаящий из берлоги» [10]. По мнению этого врача, подобная теория препятствовала лечению женщин. Соран считал нелепыми древние представления о том, что матка вернется на свое место, если женщина вдохнет неприятный запах, например кедровой смолы, жженных волос или шерсти, потухшего фитиля лампы, обугленных оленьих рогов и раздавленных постельных клопов. Он также не верил древнегреческому философу Ксенофону, который приблизительно во времена Гиппократов высказал идею о том, что если с силой ударить друг о друга металлические блюда, матка испугается громкого звука и вернется на место.

Болезни вроде «удушения матки» часто вызваны воспалением, связанным с менструальными нарушениями, трудными родами, выкидышами и менопаузой. При этом у женщины могут возникать сильные спазмы в животе, лихорадка, слабость и «судорожные припадки», которые «притупляют чувства». Однако воспаление, вопреки утверждениям последователей Гиппократов, не вызывало припадка апоплексической мании, напоминающего эпилептический. Соран считал, что именно пропаривания матки вызывали симптомы, ассоциируемые с ее «удушением», например паралич, и что «вдувание воздуха во влагалище с помощью кузнечных мехов» только вредило «воспаленным частям тела». Предложенные им методы лечения были более разумными. Так, он рекомендовал уложить женщину в хорошо освещенной теплой комнате, «не причиняя ей боли», положить теплый компресс ей на живот и осторожно распрямить ее сведенные судорогой конечности. Если пароксизм продолжался, Соран не отправлял женщину покувыркаться на супружеском ложе. Он считал, что здоровье женщины необходимо восстановить с помощью прогулок, легкой гимнастики, расслабляющих ванн, нанесения масел на кожу, острой пищи, вокальных упражнений и чтения вслух [11].

Средневековые христианские моральные нормы запрещали врачам-мужчинам осматривать женщин и трогать их.

Их тела были окутаны тайной и стыдом и оставались недоступными для глаз и рук врачей-мужчин. Пациентки не могли рассказывать мужчинам об интимных подробностях того, что происходило с их телом. Некоторые медицинские писатели того времени разделяли эти настроения, и один из них назвал гинекологические проблемы женщины «ее позором» [12]. В основополагающем же труде Гиппократов «Женские болезни» стыд, который испытывают пациентки, особенно молодые и неопытные, назван *препятствием* для получения лечения. Хотя

Гиппократ рекомендовал врачам спрашивать женщин о причине их болезни, он считал, что из-за стыдливости и невежества в медицинских делах женщин не следует считать знатоками того, что происходит с их же телом. «Женские болезни <...> опасны <...> и сложны для понимания из-за того, что они встречаются только у женщин. <...> Даже зная о них, женщины стыдятся обсуждать их из-за своей неопытности и недостатка знаний» [13]. Без прямолинейных вопросов, которые мог задать только опытный врач-мужчина, болезнь молодой женщины могла стать неизлечимой. Но если женщина была старше и имела определенный опыт, связанный с «болезнями, происходящими от менструаций», ее слова уже принимали всерьез [14]. Хотя врачам-мужчинам запрещалось прикасаться к телам пациенток, именно мнение последних определяло ход лечения.

«О женских болезнях» Сорана стала хорошей инструкцией для акушеров, у которых было больше доступа к женскому телу. Очевидно, Соран хотел облегчать боль и страдания пациенток, а не наказывать их методами лечения, основанными на причудливых религиозных и культурных предубеждениях. Однако его труды распространялись и переводились в то время, когда женщины находились в подчинении у мужчин и считались пригодными лишь для замужества и материнства, болезнь воспринималась как наказание за грех, а женское тело с его репродуктивной системой – первоисточником этого греха. Древнегреческие медицинские представления о дефективности женских тел и истеричности все еще сохранялись, так что в Средние века продолжали преобладать самые смутные представления о женской физиологии. В дальнейшем новые учения продолжили наслаиваться на старые представления, и вредные мифы о блуждающей матке не переставали влиять на понимание женских болезней, тел и жизней.

В IX веке городок Салерно на юге Италии стал главным центром преподавания медицины со времен Гиппократа. Именно там впервые начали обучать женщин врачеванию. Преподаватели «женской» медицины из Салерно опирались на множество разных источников, включая труды Гиппократа, Сорана, Галена из Пергама (наиболее влиятельные врачи Римской империи) и переводы арабских медицинских учебников и энциклопедий [15]. Самой известной женщиной в Салерно была Трота – врач, жившая в середине XII века. Считается, что она написала «Тротулу», справочник из трех томов по симптомам и методам лечения женских болезней, который стал популярным и широко используемым в Средние века. Первая книга под названием «Женские болезни» начинается с мысли, что женщины «из-за стыда и застенчивости не решаются рассказать врачу о муках, которые они испытывают в связи с заболеванием интимной области своего тела» [16].

«Тротула», основанная на интерпретации работ Гиппократа и Галена, не отклоняется от традиционных представлений о том, что женщины физиологически слабы, биологически неполноценны и склонны к болезням из-за наличия репродуктивной системы. Следуя теории Галена о том, что болезни вызваны дисбалансом четырех основных жидкостей (черная и желтая желчь, флегма и кровь), Трота утверждает, что женщины менструируют, чтобы избавляться от вредной излишней жидкости, которая накапливается, потому что их тело недостаточно горячее. В книге описаны симптомы слишком обильных, подавленных и несвоевременных менструаций, а также пресловутого «удушения матки», однако автор не подразумевает, что страдания побуждают женщин бросаться в колодцы, видеть страшные галлюцинации или сходить с ума. По ее мнению, матка может подниматься, вызывая боль в животе, и опускаться, но способна блуждать по всему телу, наводя в нем хаос.

Образ самой Троты появляется во втором томе под названием «Лечение женщин», где говорится о молодой пациентке, у которой произошел разрыв либо матки, либо кишечника. Троту пригласили в дом как «знатока таких недугов», «чтобы втайне от всех определить причину болезни». В итоге женщине удалось избежать скальпеля, поскольку врач обнаружила, что причина ее плохого самочувствия – в «продуваемости» матки и порекомендовала долгие

травяные ванны, массаж конечностей и нанесение на влагалище теплой пасты из сока дикого редиса и ячменной муки, которая поможет «избавиться от продуваемости» [17]. Женщина исцелилась.

Практичные и гуманные методы лечения, рекомендованные Тротой, были направлены на то, чтобы помогать женщинам, а не наказывать или осуждать их. «Тротула» проливает свет на женские болезни, преобладавшие в то время, когда пациентки умирали из-за навязанного обществом стыда. К сожалению, усилия врача оказались тщетными – по крайней мере, они ничего не изменили в ближайшие несколько столетий. К началу XIV века женщинам запретили заниматься медициной в Европе. Главенствующее положение в профессии снова заняли религиозные мужчины, пропагандировавшие идею о том, что женское тело – это сосуд греха. Предвзятости о болезнях и каре Божьей переплетались с видением врачей деструктивного потенциала женских тел. Восхищение медицины тайнами женской биологии и страх докторов перед ней, подкрепленные религиозными оправданиями женской нечистоты и неполноценности, приняли опасный оборот, и последствия оказались катастрофическими для многих женщин.

Глава 2

Одержимые и грязные

В 1405 году в Париже Кристина Пизанская, единственная профессиональная французская писательница того времени, решила, что с нее хватит «ужасных вещей», которые пишут мужчины о женщинах и их телах. Кристина была уважаемой, успешной, работала при дворе Карла VI и сочиняла баллады для членов французской королевской семьи. Ее также знали как выдающегося историка, политического мыслителя и феминистку. Кристина посвятила свою судьбу изучению вклада женщин в каждый аспект человеческой жизни и испытывала крайнюю неприязнь к тому, что философы, поэты и ораторы мужского пола изображают женскую натуру как дефективную и неправильную. Она написала «Книгу о граде женском», в которой рассказывается, как женщины-святые, женщины-пророки, писательницы, поэтессы, изобретательницы, художницы и воительницы поселились в аллегорическом граде, где развивали общество и прославляли друг друга [1].

В начале «Книги о граде женском» Кристина Пизанская объясняет, что женщины слишком долго были беззащитными, словно «фруктовый сад без изгороди», и пришла пора спасти женскую натуру от некоторых писателей-мужчин, называющих ее дефективной и порочной, в частности от Франческо дельи Стабили, известного как Чекко д'Асколи. Этот итальянский врач, поэт и астроном XIII века славился своими женоненавистническими взглядами. Он писал стихи о небесах и земле, в которых были такие строки: «Женские тела хуже мужских. / Они менструируют каждый месяц, / Ведь по природе своей несовершенно» или «К женщине меньше доверия, чем к дикому зверю: / Ее гордыня, жадность, глупость, безумие и отчужденность – это яд, отравляющий сердце». Когда Кристина Пизанская написала свою книгу, Чекко д'Асколи уже был сожжен как еретик за чтение гороскопа Иисуса Христа. Она сказала, что он «получил по заслугам» [2].

Представления Чекко д'Асколи о женском теле не были ни необычными, ни новыми. Средневековые врачи и философы продвигали «мудрость» о том, что женское тело слабое и неполноценное, потому что оно отличается от мужского идеала. Однако в позднем Средневековье, когда Кристина Пизанская создавала свои произведения, древние учения приняли новый теологический оборот.

Все женщины считались дочерьми Евы, которую Господь наказал за грехопадение родовыми муками и необходимостью подчиняться своему мужу. Кристина Пизанская была истовой христианкой. В начале «Книги о граде женском» она задается вопросом, как Господь, которому она так доверяет, мог допустить столь ужасную ошибку при создании женщины. Однако она знала, что проблема была не в Боге, а в смертных мужчинах, которые манипулировали христианским мифом о сотворении мира, чтобы оправдать принижение женщин в обществе.

Для Кристины Пизанской одним из самых возмутительных примеров псевдомедицинской мизогинии была книжечка на латыни под названием «О женских секретах» [3]. В этом трактате, написанном в конце XIII – начале XIV века неизвестным последователем Альберта Великого⁹, так называемым псевдо-Альбертом, говорится, что женское тело изначально неполноценно и неспособно нормально выполнять многие функции. Этот трактат создан в стиле и традициях «Книги тайн» – своего рода практического руководства, популярного в Средние века, где загадки жизни объяснялись разным категориям читателей: простолюдинам и ученым, священникам и врачам. Для людей XIII века самая важная жизненная загадка о том, как зарождаются дети, крылась в месте, окруженном стыдом и предрассудками: женском теле. По всей

⁹ Немецкий католический епископ и монах.

видимости, трактат «О женских секретах» должен был просветить представителей духовенства о фертильности, зачатии и беременности так, чтобы были соблюдены все нормы религиозной морали и нравственности. Однако он также позволил облечь негативные представления о женщинах и их телах, зародившиеся более двух тысяч лет назад, в новые профессиональные знания.

Автор трактата был убежден, что менструация свидетельствовала об уязвимости, неверности и несовершенстве женщин.

Он полагал, что оказывает всем услугу, разоблачая грязную и сенсационную правду о том, что происходит в темных уголках женского тела. Так писал он, обращаясь к своей аудитории – монахам и священникам: «Мой дорогой товарищ и друг во Христе! Поскольку ты просил меня пролить свет на скрытые особенности женской природы, я приступил к написанию этого короткого, но всеобъемлющего трактата. Я сделал это, несмотря на юношескую слабость своего разума, склонного к легкомысленным вещам» [4].

После вступительного хвастовства автор не теряет времени даром и переходит к сути дела. Женщины чудовищны. Их «немошь» побуждает их к греховным поступкам. Менструация – это корень их зла. Менструирующая женщина способна травить животных одним взглядом, заражать детей в колыбелях, загрязнять чистые зеркала своим мерзким отражением, а также вызывать проказу и рак у мужчин. Очень важно, чтобы священники об этом знали, потому что «зла нельзя избежать, если о нем ничего не известно». Если женщина признавалась в плотском грехе, ее священник должен был понять, какой именно физический процесс побудил ее к этому, и подобрать подходящее наказание. Трактат «О женских секретах» не предназначался для того, чтобы помочь женщинам понять свое тело. Это было руководство по наказаниям.

Работа псевдо-Альберта охватывала все основы: как зарождаются эмбрионы, что способствует и препятствует зачатию, как образуется семя, как определить, девственная ли девушка, что такое блуждающая матка и удушение матки, как формируется эмбрион под влиянием небесных тел и положения планет, что такое непорочное зачатие и почему на свет появляются монстры. Да, этот трактат явно не был руководством по акушерству.

Несмотря на абсурдность откровений автора, основанных исключительно на карательных мифах, женские половые органы были совершенно безосновательно обвинены в том, что они дьявольски влияют на женский характер и темперамент. Женщины оказались виновны во всех случаях бесплодия, выкидышей и врожденных дефектов. Считалось, что омерзительность их тел побуждала их совершать ужасные безнравственные поступки. А во время менструации они становились настолько мстительными по отношению к мужчинам, что искали самые изобретательные способы им навредить. Например, хитрая женщина, одержимая похотью и истекающая кровью, заманивала мужчину в постель и незаметно от него вставляла куски железа себе во влагалище, чтобы нанести серьезную травму его пенису [5]. Неизменно богатое воображение женщин означало для автора трактата, что они недостаточно сильны, чтобы противостоять порочным мыслям, приходящим в голову во время секса. И из-за этого, если женщина воображала чудовище, у ее еще не рожденного ребенка появлялись чудовищные уродства. Во время беременности вкусовые предпочтения некоторых женщин, по мнению псевдо-Альберта, становились до ужаса странными, и, требуя определенной еды, а получая отказ, они объявляли голодовку или убивали ребенка.

В конкретном примере в трактате речь шла о яблоке – еде, ассоциируемой с Евой [6].

В «О женских секретах» нет никаких мыслей, основанных на реальном опыте автора, – лишь невероятные слухи. Нет там и рассказов самих женщин. Все «секреты» взяты из классических работ «отцов» медицины Аристотеля и Гиппократов, а затем интерпретированы посредством католического богословия и астрономических идей. Эта работа была написана мужчи-

ной для мужчин, поклявшихся никогда не вступать в интимные отношения с женщиной и не имевших никакого представления о том, что значит жить в женском теле.

Крестину Пизанскую особенно возмущал отрывок, в котором автор утверждает, что «папе следует отлучить от Церкви любого мужчину, который читал эту книгу женщине или позволил ей ознакомиться с ней самостоятельно». По этой причине Кристина Пизанская так сильно презирала трактат «О женских секретах»: этот текст не только мистифицировал женщин и их тела, но и пропагандировал опасную ложь, которую женщины не имели возможности оспорить. «Вам не нужны никакие доказательства, кроме вашего собственного тела, чтобы осознать, что эта книга – полнейшая чушь, – писала Кристина Пизанская. – Это поймет любая женщина, прочитавшая ее, поскольку некоторые упомянутые в ней вещи станут полной противоположностью ее собственному опыту». Прочитав «О женских секретах», женщина «отнесется к ней с презрением и сразу поймет, какие глупости там написаны» [7].

Как бы горячо Кристина Пизанская ни защищала свой пол, она не могла помешать продвижению среди врачей псевдомедицинской религиозной догмы. Трактат «О женских секретах» действительно был полной чушью, но в идеях, лежащих в его основе, ни для кого на тот момент не было ничего необычного или спорного. В Средние века и ранее медицина была направлена на то, чтобы женщины выходили замуж и рожали как можно больше детей. Писатели-мужчины, поддерживавшие эту чепуху, прекрасно понимали, что их необходимо изгнать из священных залов медицины, чтобы они сами загоняли себя в ловушку. В начале XIV века многие медицинские университеты Европы, которые ранее принимали женщин (Салернская врачебная школа, например), стали запрещать им обучаться и работать врачами – эта область знания стала более профессионализированной, и любая врач рисковала предстать перед судом.

Именно такая участь досталась Жаклин Феличе де Алмания, известной как Якобина Феличе. Она получила образование в Парижском университете, но в 1322 году ее осудили за занятия медициной без лицензии. Якобина на тот момент была уже успешным врачом и лечила и мужчин, и женщин. В свою защиту она заявила, что из-за скромности и целомудренности женщины не получают лечения, в котором отчаянно нуждаются. Она сказала: «Гораздо лучше и уместнее, когда женщина, разбирающаяся в искусстве врачевания, посещает больных женщин, осматривает их и расспрашивает о тайнах их тела. <...> В прошлом женщины предпочли бы умереть, чем доверить секреты своего тела мужчине» [7]. Речь, которую произнесла Якобина на суде, ни на кого не произвела впечатления. Ее признали виновной, оштрафовали, предали анафеме и лишили права заниматься медициной.

Затыкая женщинам рот и преследуя тех, кто пытался им помочь, представители духовенства могли беспрепятственно распространять искаженные представления о женских организмах. Монахи и священники распространяли материалы вроде трактата «О женских секретах» по всей Европе. Тексты попадали в университеты, где обучались будущие ученые и философы. Женоненавистники, например тот же псевдо-Альберт, не изобретали колесо, но заставляли его вращаться по-новому: если женщины были настолько полны ядовитых субстанций, вызывающих болезни, травмы, разрушения и смерть, почему же они не отравляют сами себя? Ведь считалось, что они наполнены внутренним ядом и их плаксивость необходима, что эти токсичные жидкости как-то выходили. Согласно трактату «О женских секретах», мы, словно змеи, имеем к ним иммунитет: «Яд воздействует не на себя, а на объект» [9]. Древние врачи считали, что женские жидкости опасны для окружающей среды, но не для них самих.

Так, например,

Гиппократ, а позднее и Плиний Старший считали, что менструальная кровь вызывает болезни у мужчин, губит полевые культуры, убивает пчел и вызывает бешенство у собак.

В свете христианских учений о том, что женские тела разрушают мир, медицинское колесо стало вращаться бесконтрольно. Идеи о разрушительной природе женской биологии переросли в представления о том, что женщины не просто опасные, а по-настоящему демонические существа.

В 1346 году Европу охватила эпидемия бубонной чумы, уничтожившая значительную часть населения. За семь лет черная смерть убила около 20 миллионов человек. Симптомы и протекание болезни были ужасающими: повышалась температура, начинался бред, возникали кровотечения и гематомы. Чаще всего причиной смерти становится септический шок. В Средние века понимание того, как распространяются заболевания, было смутным: ученым ничего не было известно о бактериях и процессе развития инфекции. Масштабы и сила эпидемии оказались беспрецедентными. Многие считали, что это наказание свыше, библейская кара.

Люди, разделявшие взгляды Галена, полагали, что чума вызвана скоплением вредоносных жидкостей в воздухе или столкновением планет. Некоторые обвиняли евреев, считая, что они пытаются отравить христиан.

Чума усилила страх перед болезнями в Европе, раздув религиозные и медицинские суеверия о нечестивой природе испорченной человеческой биологии.

За семь лет бубонная чума уничтожила 30–50 % населения Европы, принеся с собою нищету. Многие люди стали бесплодными, и рождаемость достигла рекордно низкого уровня. На фоне сильного страха и суеверий о причинах этой катастрофы церковь и общество в целом искали козлов отпущения. Чтобы решить демографическую проблему, нужно было установить пристальный контроль над женщинами, которые служили сосудами зачатия, вынашивания и рождения новой жизни [10]. К XV веку в головах авторитетных мужчин по всей Европе сформировалось представление о женских организмах, обусловленное материалами вроде трактата «О женских секретах». Эти мужчины обладали властью и решали, как женщинам следует жить и вести себя. Псевдо-Альберт и другие авторы убедили всех, что женщины, как сексуальные и способные к репродукции существа, развращены и бесчестны. Они воспринимались как источники греха и инструменты разрушения в силу общепринятых представлений о зависимости от мужчин, их физической и умственной слабости, а также неконтролируемых органах и биологических процессах. Идея о девиантном и демоническом потенциале женщин укоренялась по всей Европе, чему способствовали учения католических церковников, которые отстаивали религиозную и социальную святость брака.

Одним из таких людей оказался Генрих Крамер, также известный как Генрикус Инститор. Он обучался в Эльзасе и был монахом Доминиканского ордена братьев-проповедников. Доминиканцы известны своими интеллектуальными традициями, преподаванием философии и богословия. Они распространяли Евангелие и осуждали любые действия, противоречащие ему. В 1474 году, когда Крамеру было 34 года, он получил разрешение папы Иннокентия VIII на деятельность в качестве инквизитора и привлечение еретиков к ответственности. Его юрисдикция охватывала Тироль, Зальцбург, Богемию и Моравию (сейчас они входят в состав Чешской Республики). С XII века еретиками в основном считались католические диссиденты, протестанты и христианские спиритуалисты. Однако в 1484 году папа римский включил в свой указ, папскую буллу, еще одну группу – ведьм. Теперь людей позволялось пытаться и наказывать за колдовство. Католическая церковь утверждала, что ведьмы бродили по земле и заодно с дьяволом вызывали болезни, смерть и разрушения.

Крамер нашел свое призвание: он больше не был привязан к кафедре – теперь он мог свободно охотиться на еретиков и избавлять Европу от демонического влияния. В течение многих лет он приводил в восторг толпы людей своими пылкими проповедями, в которых проклинал все нечестивые души, осмелившиеся пойти против веры.

Какие же люди были настолько слабыми, развратными и лживыми, чтобы оставить свою веру и пойти на поводу у дьявола? Конечно, женщины!

Генрих Крамер начал свою охоту в 1485 году. Возглавив группу инквизиторов, он отправился в Инсбрук на поиски тех, кто мог заниматься колдовством. Среди его жертв оказалась Хелена Шойберин, острая на язык и с низкими моральными принципами. Ходили слухи, что она наслала болезнь на женщину, чтобы увести ее мужа, и смерть на рыцаря, отвергшего ее ухаживания. Крамер решил, что она прибегла к колдовству, точнее говоря, к «любовной магии» [11]. Никаких доказательств этого не было, кроме того, что Шойберин была прелюбодейкой, но прелюбодеяние, по мнению Крамера, как раз и было колдовством.

Крамер владел лишь несколькими «фактами»: женщина заболела, мужчина умер, и Шойберин была как-то связана с обоими, а также общалась с подругами, которых инквизитор считал ведьмами. В суде Крамер сосредоточился на сексуальном поведении Шойберин и задавал вопросы, которые должны были доказать ее одержимость животными порывами. Он заявил: «Это общее правило, что все ведьмы с ранних лет являются рабами плотской похоти и прелюбодеяний» [12]. Крамер считал, что подозреваемая занималась сексом с дьяволом. Местный епископ был крайне оскорблен характером обвинений в адрес Шойберин и опасался за репутацию города. Он пригласил адвоката и врача по совместительству, чтобы он выступил в защиту женщины. Тот сделал упор на очевидную сексуальную одержимость Крамера Шойберин, и судебное разбирательство было прекращено. Женщина вышла на свободу.

Крамер вернулся домой в Кёльн. Его репутация как инквизитора была запятнана, но желание искоренить колдовство не ослабло. Он решил написать книгу, объясняющую, как выявлять, пытаться и наказывать потенциальных еретиков, связанных с колдовством, – «Молот ведьм», опубликованную в итоге в Германии в 1486 году. В ней говорилось, что обвиненных женщин необходимо сжигать, как и других еретиков. Крамер приводил доводы в пользу существования ведьм и колдовства, прилагая все усилия, чтобы объяснить, почему вообще церковь должна принимать какие-то меры. Он утверждал, будто дьявол нуждался в посредниках на земле, чтобы те творили зло от его лица, и заключал с ними договор. Чтобы женщина, как выразился Крамер, «заразилась» колдовством, она должна была склоняться к одному из трех грехов: неверности, похоти или амбициям. Чем более ненасытна потенциальная ведьма, тем выше вероятность, что дьявол примет обличье инкуба и переспит с ней. В папской булле были перечислены следующие основные проявления колдовства: пробуждение страсти в мужчинах, препятствие «генеративному акту» путем лишения их пениса, превращение их в зверей, препятствование беременности у других женщин, проведение аборт и жертвоприношение младенцев.

Все, кто принимал книгу Крамера всерьез, еле сдерживались, чтобы не указывать пальцем на целительниц, акушерок, незамужних женщин, жен бесплодных мужей, неверных и тех, кто желал учиться, читать или выражать свое мнение. Другими словами, на всех женщин, чья личность и поведение не соответствовали представлениям о целомудрии и вере.

«Молот ведьм» был полон жутких историй, которые Крамер собрал во время работы инквизитором. Он питал особую ненависть к ведьмам, которые, как он писал с примечательной торжественностью, «творят чудеса в отношении мужских органов» [13]. Одна из историй повествовала о молодом мужчине из Ратисбона, который бросил свою любовницу и позднее с ужасом обнаружил, что она «заколдовала» его пенис: теперь он не видел его и не мог к нему прикоснуться [14].

Крамер утверждал, что некоторые ведьмы коллекционируют пенисы, помещают их в птичьи клетки и кормят овсом и кукурузой [15].

Однако гораздо более серьезными и пугающими были нападки инквизитора на акушерок.

Целительниц и так вытеснили на обочину медицины. Поскольку большинство женщин не могли позволить себе обращаться к профессиональным врачам, именно акушерки и знахарки оказывали медицинскую помощь во время беременности и родов. Поскольку они нарушали закон, действуя тайно, Крамер создал ауру секретности и извращенности вокруг их практик. Роды в то время были чрезвычайно опасными – женщины и младенцы часто умирали. Крамер же утверждал, что эти смерти, а также выкидыши – неестественное явление, это дьявол убивает невинных руками одержимых акушерок. Он рассказывал жуткие истории о ведьмах, которые крадут новорожденных, пьют их кровь, пожирают и отдают дьяволу. Он настаивал на том, что в случае неудачной беременности женщина должна заподозрить акушерку в колдовстве.

Аборт считался одним из семи вариантов колдовства, выделенных Крамером. «Никто не причиняет больше вреда католической вере, чем акушерки», – писал он [16]. Ближе к концу своего труда инквизитор заявил, что ведьмы-акушерки «превосходят всех остальных ведьм в своих злодеяниях» и что «едва ли существует деревушка, в которой не нашлось бы такой ведьмы» [17].

Доминиканские лидеры католической инквизиции считали Крамера чудачком с неоднозначными этическими принципами, который манипулировал католическим богословием в собственных целях. Однако сам Крамер делал все возможное, чтобы его работы читали, а рекомендации применяли. Благодаря тому, что типографический станок Гутенберга с 1500 года стал широкодоступным, «Молот ведьм» разошелся по всей Европе. Страх перед колдовством охватил европейцев, и книга стала считаться полезным руководством. В нем было подробно описано, как именно нужно допрашивать, пытать и наказывать потенциальных ведьм в религиозных и светских судах. Если с другими еретиками должны были разбираться назначенные инквизиторы, то любой человек, подозреваемый в колдовстве, мог быть привлечен к ответственности доступными способами.

Крамер расширил список того, что относилось к колдовству и кто в первую очередь должен был подозреваться в занятии им. Кто угодно (чаще всего женщина), нарушивший строгие моральные границы, мог быть обвинен в колдовстве, если он вдруг оказывался причастен к необъяснимому событию. Обычные люди, жившие в деревнях и фермерских городках, и так были суеверными и боялись темных сил, стоящих за любыми природными и социальными явлениями, угрожавшими их нестабильному укладу жизни. Порча имущества, резкие изменения погоды, ссоры и споры, большее количество молока у соседской коровы, ведра, перемещающиеся «самостоятельно», болезни, травмы и прелюбодеяния – все это было поводом для судебного разбирательства. Из-за страха перед необъяснимыми явлениями повседневной жизни люди быстро указывали пальцем на любого, кого считали плохим, особенно если этот человек ранее подвергался критике за несдержанность, злость, непристойное поведение, одиночество или странности. Когда подозреваемого, обычно пожилую женщину, привлекали к суду, заслушивались свидетельские показания, обыскивался дом обвиняемого на наличие предметов, хотя бы отдаленно связанных с колдовством, а затем производился допрос. Подсудимым женщинам задавали такие вопросы, как: «А зачем вы прикасались к ребенку до того, как он заболел?» [18]

Пока суд рассматривал доказательства, обвиняемую помещали в тюрьму, раздевали догола и брили налысо. Крамер считал, что на одежде и коже ведьм были отметины, которые свидетельствовали о причастности к колдовству. Это могли быть оспины или шрамы, оставленные якобы когтем или языком дьявола. Любые родинки, родимые пятна, бородавки или прыщи могли интерпретироваться как знак ведьмы. Если ничего из этого найти не удавалось, инквизиторы иногда приказывали врачам-мужчинам или уважаемым акушеркам поискать другие особенности, например выпирающие соски или увеличенный клитор. Как только доказательство было найдено (а это происходило всегда), обвиняемая могла признать свою вину. Если

же она заявляла о своей невиновности или молчала (и то и другое считалось признаком влияния дьявола), Крамер рекомендовал приступить к пыткам.

Женщин связывали, кололи иглами, топили, лишали воды, питья и сна, заставляли держать в руках раскаленное железо, наносили на влагалище горячий жир.

Эти садистские процедуры должны были заставить «ведьм» во всем сознаться, но в итоге провоцировали галлюцинации и диссоциации, которые интерпретировались судом как доказательство одержимости дьяволом. Если женщину признавали виновной в «небольшом проступке», ее заставляли совершить покаяние. Если ее обвиняли в совершении серьезного преступления, держали в тюрьме и пытали каждый день до тех пор, пока она не признает свою вину. Если преступление было тяжким, судья должен был «приговорить ее к сожжению» [19].

Крамер со своим «Молотом ведьм» был не единственным, кто разжег страх перед колдовством, охвативший Европу в XVI веке. Его работа и многие другие трактаты о ведьмах, написанные в конце XV века [20], способствовали формированию культуры преследования женщин. В XVI–XVII веках как минимум 200 тысяч человек были казнены по обвинению в колдовстве. Около 85 % из них оказались женщинами, многим из которых было уже за 40. Мотивы этой беспощадной войны против одного из полов представляли собой комбинацию религиозных, социальных, политических и экономических факторов. Страх перед черной магией, колдовством и демонами был распространен на континенте, страдающем от болезней, потрясений и беспорядков. Во время охоты на ведьм, которая в основном проходила в Германии, Франции, Англии и Шотландии, женщины, особенно пожилые, незамужние и бедные или целительницы и акушерки, становились козлами отпущения и признавались виновными в различных смертях и бедствиях. Идеология, стоящая за этой невообразимой кампанией по истреблению одного из полов, не возникла на пустом месте.

На протяжении веков религиозная доктрина и медицинский дискурс утверждали, что тело и разум женщины неполноценны и опасны. Древние врачи считали, что они находятся во власти своих неуправляемых репродуктивных органов. Христианское богословие сплело эти основополагающие идеи в новую догму о женской неполноценности. Физическая и умственная слабость женщин якобы доказывала, что они легче попадают под влияние демонов и творят зло. Если в «Корпусе Гиппократата» говорилось, что им следует рано выходить замуж и рожать детей, чтобы избежать болезней тела и разума, то церковь настаивала, что это отводит женщин от греха. Обвинения в колдовстве позволяли общественным и религиозным авторитетам сохранять главенствующее положение мужчин в деревнях и городах. Пытки и казни оказались просто мерой избавления общества от женщин, которые не исполняли супружеский и репродуктивный долг, навязанный им патриархатом. Независимые, одинокие, женщины старшего возраста – другими словами, все, которые не были женами и матерями, считались угрозой, опасностью и проблемой [21].

В 1542 году во время правления Генриха VIII был принят Закон о колдовстве, согласно которому виновная женщина могла быть приговорена к смертной казни. Вступивший в силу после Реформации, вырвавшей контроль над англиканской церковью у папы римского и католической церкви и сделавшей монарха верховным религиозным лидером, Закон о колдовстве наделил церковные суды полномочиями рассматривать преступления против Бога. Когда Яков I, правивший до того Шотландией с 1567 года как Яков VI, вззошел на престол в качестве короля Англии и Шотландии в 1603 году, он издал Закон против заклинаний, колдовства и сношений со злыми духами. Это было распоряжение о том, что любой человек, обвиняемый в «колдовстве, магии и волшебстве» мог предстать перед судами общего права, а не религиозными судами [22].

Одержимость и страх Якова I, связанные с колдовством, привели к тому, что с конца XVI до начала XVII века в Шотландии было осуждено от 4 до 6 тысяч человек, 75 % которых были женщинами.

В Англии в 1560–1700 годах было казнено около 500 человек, и практически все также оказались женщинами [24]. Люди продолжали верить, что способность к колдовству – это результат сверхъестественной связи с дьяволом, но теперь, когда местные суды получили право привлекать к ответственности всех подозрительных женщин, колдовством стали считаться и пугающие, но обыденные вещи.

В 1682 году в сплоченном фермерском городке Бекентон в Сомерсете 44-летнюю женщину обвинили в том, что она заколдовала молодых 18-летних мужчину и женщину [18]. Проходя мимо богадельни, где жили беднейшие люди, молодой человек заметил одну женщину и назвал ее ведьмой. Учитывая царившую в то время атмосферу, вполне естественно, что она рассвирепела и незамедлительно обратилась к мировому судье, чтобы тот сделал замечание обидчику. Молодой человек пообещал больше никогда ее не оскорблять, однако, по его заявлению, в ту ночь у него произошел припадок, и он болел две недели. Из-за высокой температуры ему привиделась та женщина, которая сидела в его комнате, хохотала, грозила ему кулаком и улыбалась во весь рот.

Позже оклеветанная женщина попросила девушку по имени Мэри помочь ей забрать пряжу из соседнего города, но та отказалась, потому что «старуха» напугала ее. После этого у Мэри начались припадки, причем еще более сильные, чем у упомянутого молодого человека. Находясь в бреду от жара, она видела в своей комнате женщину, которая смеялась над ней. Мэри была знакомой того молодого человека, но никто не заподозрил их в сговоре.

В суде девушка рассказала, что когда припадки прекратились, она ощутила колики в желудке, и ее вырвало изогнутой булавкой. За следующие восемь дней она извергла впечатляющий набор предметов: еще булавки, многие из которых были связаны между собой пряжей; гвозди; несколько рукояток ложек; куски железа, олова и латуни, фрагмент оконной рамы. Все это сопровождалось огромным количеством крови. Встревоженные горожане заставили «старуху» навестить Мэри, но при виде нее у девушки начался сильнейший припадок.

Во время судебного заседания обвиняемую раздели присяжные заседатели женского пола, чтобы найти на ее теле ведьмины следы, и увидели множество фиолетовых синяков. Женщину связали, отвели к реке и погрузили под воду. Присяжные засвидетельствовали, что она всплыла, как пробка. Хорошая христианка ушла бы под воду, а ведьму священная вода выталкивала. Женщину пытали таким образом еще три раза, и каждый раз она всплывала – ее вина была неоспорима, и обвиняемую повесили. Мэри рвало булавками еще десять недель.

Невозможно установить, была ли необъяснимая болезнь Мэри реальной. Ни один врач не видел, как ее рвет металлом. Возможно, у нее были галлюцинации или она придумала это из мести. Как бы то ни было, женщину из Бекентона осудили из-за возраста, внешности, низкого социального статуса и темперамента. Информации о ее личности очень мало. Налицо лишь непредсказуемый и, возможно, мстительный нрав. Как и многие другие женщины, обвиняемые в колдовстве, она, вероятно, переживала менопаузу. Утрата фертильности означала не только потерю главной социальной ценности женщины.

Медицина Раннего Нового времени интерпретировала менопаузу как недостаток жидкостей в организме, из-за которого тело становилось грязным и пропитанным ядом. Менопауза считалась одновременно физической и психической патологией: женщины, переживающие изменения в своем теле, воспринимались неуравновешенными, сварливыми, вспыльчивыми и мстительными.

О менопаузальных симптомах в то время было мало известно, и они часто трактовались как признак занятия колдовством.

В Англии начала XVII века врач и химик Эдвард Йорден выступал в качестве свидетеля на судебном заседании по делу Элизабет Джексон, пожилой женщины, обвиняемой в том, что она околдовала дочь владельца магазина, 14-летнюю Мэри Гловер. Выполняя поручения матери, Гловер столкнулась с Джексон – и та обвинила ее в том, что девушка смеялась над одеждой ее дочери. После этого Джексон «набросилась на нее с многочисленными угрозами и проклятиями, желая ей страшной смерти» [26]. Йорден был уважаемым и успешным врачом. Он посещал Елизавету I и был членом Лондонского колледжа врачей. Его пригласили выступить в защиту обвиняемой, известной своим скверным характером и острым языком.

Вечером, после стычки с Джексон, горло и шея Гловер отекали, и у девушки начался припадок, во время которого она, похоже, потеряла сознание. Приглашенный врач предположил, что это тонзиллит, но не нашел его физических признаков. Припадки казались невероятно странными – девушка будто была одержима. Во время одного из них Гловер якобы прошептала: «Повесьте ее».

Уже на судебном заседании Йорден предположил, что Гловер только изображала одержимость. Позднее он заявил, что Джексон вовсе не обладала сверхъестественными силами и девушка страдала заболеванием *Passio Hysterica*, похожим на удушье матки. К сожалению, адвокату не удалось убедить в этом суд. Джексон приговорили к году тюрьмы, однако она заручилась поддержкой общественности, поэтому вскоре ее оправдали и отпустили. Загадочные припадки Гловер продолжались до тех пор, пока пуританские церковники не провели обряд экзорцизма. В итоге они, как и сама Гловер, считали, что девушка была одержима дьяволом.

Попытки Йордена опровергнуть факт демонического вмешательства в болезнь Гловер не прошли даром. Через год, вдохновившись судом над Джексон, он написал «Краткую беседу о болезни, называемой „удушьем матки“» – трактат о «естественном», по его мнению, заболевании и видах его влияния на тело и разум молодых и пожилых женщин. По мнению Йордена, ее болезни имели экстремальные симптомы, которые «простые и необразованные» люди принимали за одержимость дьяволом [27].

Считается, что «Краткая беседа» – это первая книга на английском о симптомах болезней матки. В последующие века все заболевания попали во всеобъемлющую медицинскую категорию истерии, идея о которой патологизировала отношения между женским телом и разумом и просуществовала несколько веков. Название произошло от греческого *hysteria*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.